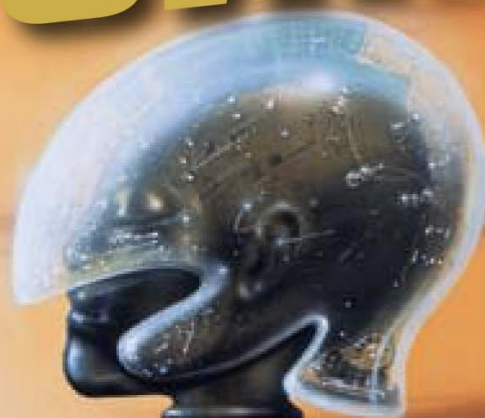

Звезды Фантастики

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ПРОЗРЕНИЕ

Урсула Ле Гуин

Прозрение

ЧАСТЬ I

Глава 1

— Никому об этом не рассказывай, — говорит мне Сэлло.

— А если скажу? Что тогда будет? Как когда я снег увидел?

— Вот именно. Поэтому и не надо говорить.

Моя сестра обнимает меня, и мы с ней раскачиваемся из стороны в сторону, сидя на скамейке в классной комнате. Ее теплые объятия и это покачивание успокаивают меня; я выбрасываю из головы ненужные мысли. Но совсем забыть о том, что видел, никак не могу, слишком сильным было испытанное мною потрясение, и очень скоро я опять не выдерживаю:

— Нет, я все-таки должен им рассказать! Это же настоящее вторжение! Пусть предупредят армию, чтобы была наготове!

— А если тебя спросят, когда это вторжение случится?

Вопрос сестры меня озадачивает.

— Ну, пусть армия просто будет готова, — неуверенно отвечаю я.

— А если никакого вторжения не произойдет или оно случится еще очень-очень не скоро? И на тебя все будут сердиться, потому что ты зря поднял тревогу? И потом, если в город действительно вторгнется вражеская армия, всем непременно захочется узнать, откуда тебе стало об этом известно заранее.

— А я им скажу, что просто вспомнил, и все!

— Нет, — решительно говорит Сэлло. — Никогда не говори в таких случаях, что ты «что-то вспомнил». Люди заподозрят, что раз ты все время так говоришь, то у тебя есть какой-то *особый дар*. А ведь очень многим не нравится, когда кто-то наделен особым даром и отличается от всех прочих.

— Но у меня же ничего такого нет! Просто иногда я вспоминаю, что видел то, что должно вскоре случиться!

— Я знаю. Но послушай, Гэвир: ты все-таки не должен никому об этом рассказывать. Никому, кроме меня.

Когда Сэлло своим тихим нежным голосом произносит мое имя и говорит: «Послушай...», я действительно ее слушаюсь. Даже если все еще продолжаю спорить.

— И даже Тибу нельзя?

— Даже Тибу. — Ее округлое смуглое личико и темные глаза спокойны и серьезны.

— Но почему?

— Потому что здесь только мы с тобой уроженцы великих Болот.

— Гамми тоже была оттуда!

— Вот Гамми мне и сказала то, что я тебе сейчас говорю: болотный народ и впрямь обладает кое-какими способностями, а горожане этого побаиваются. Так что мы никогда никому не рассказываем, что способны на что-то такое, чего не могут они. Это было бы слишком опасно. Правда опасно. Обещай мне, Гэв.

Она протягивает руку, я говорю: «Обещаю» — и кладу ей на ладонь свою грязноватую ручонку, как бы скрепляя данное ей слово. И она отвечает:

— Я слышала твое обещание.

В другой руке она сжимает маленькую фигурку богини Энну-Ме, которую всегда носит на шее.

Затем Сэл целует меня в макушку и шутливо толкает, да так сильно, что я чуть не слетаю со скамейки. Но отчего-то мне совсем не хочется смеяться; я по-прежнему полон теми ужасными «воспоминаниями», и увиденное мною было так страшно, что меня так и тянет немедленно всем об этом рассказать, закричать во весь голос: «Берегитесь! На нас идет враг! Вражеские воины несут зеленые флаги, они готовы дотла сжечь наш город!» И я, не отвечая на шутки Сэлло и печально нахохлившись, сижу и задумчиво качаю в воздухе ногой.

— Расскажи-ка мне свой сон еще разок, — говорит сестра. — И постарайся припомнить все, о чем сперва сказать позабыл.

А мне только этого и надо! И я снова с энтузиазмом рассказываю ей, что видел, как вражеские солдаты идут по нашей улице.

Иногда мои «воспоминания» действительно содержат некую тайну, и тогда они принадлежат только мне, это мой секрет, мой личный подарок, и я тщательно его берегу и достаю, чтобы им полюбоваться, лишь оказавшись в полном одиночестве. Точно так же, украдкой, я люблюсь и тем орлиным пером, которое подарил мне Явен-ди. Самое первое из моих тайных воспоминаний — это то непонятное место, где только вода и тростники. Я никогда и никому об этом месте не рассказывал, даже Сэлло. Да и что рассказывать? Я помню только

серебристо-синнюю воду, тростники на ветру, солнечные блики и какой-то голубой холм в отдалении. А несколько позже я стал видеть еще какую-то комнату с высоким потолком и мужчину, лицо которого скрыто в тени; и этот мужчина вдруг оборачивался и окликал меня по имени... Но об этом я тоже никому не рассказывал, да и зачем?

Бывают и другие воспоминания, или видения, или как там еще можно это назвать. Например, однажды мне привиделось, как Отец нашего Дома возвращается из Пагади, и вдруг у него захромала лошадь. Домой он, правда, вернулся только следующим летом, зато все было в точности как я «помнил»: приехал он на хромой лошади. А один раз я «вспомнил», как все улицы в городе стали белыми, и крыши, и даже воздух, а с небес все летели и летели вниз стаи крошечных белых птичек. Это было так удивительно, что мне, естественно, захотелось всем рассказать об этом, я и рассказал. Вот только слушать меня никто не стал — мне ведь было всего года четыре или, может, пять. Но снег той зимой действительно выпал, просто случилось это немного позднее. И все выбежали на улицу, чтобы посмотреть, как падают на землю снежные хлопья, — такое в Этре случается, может, раз в сто лет, так что мы, дети, даже и не знали, как эти белые штучки называются. А старая Гамми меня тогда спросила: «Ты именно это видел? Были твои «белые птички» похожи на снег?» И я сказал ей и всем остальным: да, я именно так все и видел. И Гамми, Тиб и Сэл мне поверили. Должно быть, именно тогда Гамми и сказала Сэлло то, что Сэлло только что сказала мне: никогда никому не говорить, если я снова «вспомню», что уже это видел. Гамми уже тогда была совсем дряхлая и больная, а вскоре после того снегопада, весной, она умерла.

И с тех пор у меня были только такие воспоминания, которые я держал в тайне от всех — до сегодняшнего утра.

С утра я в полном одиночестве подметал коридор возле детской и вдруг начал вспоминать то, что видел. Сперва мне вспомнилось, как я откуда-то сверху смотрю на одну из городских улиц и вижу, как над крышами ее домов взметается пламя, и слышу, как кричат люди, и эти крики становятся все громче. А потом я узнал Долгую улицу, которая тянется через всю Этру на север от той площади, что позади Гробницы Предков. На дальнем конце улицы клубы дыма превращались в страшные, клубящиеся темно-серые облака, внутри которых мелькали

языки пламени. Мимо меня через площадь с криками бежали люди, женщины и мужчины — в основном в сторону Сената, а городская стража, выхватив мечи, бежала почему-то в противоположном направлении. Затем сквозь клубы дыма я увидел, как на Долгой улице показались воины с зелеными знаменами и длинными копьями; некоторые из них ехали верхом и были вооружены мечами. Когда их отряд столкнулся с нашей городской стражей, сразу стало очень шумно — крики, звон доспехов, бряцанье оружия, грохот, как на кузне; и вся эта огромная толпа сражающихся людей все приближалась и приближалась ко мне. А потом из этого месива сверкающих мечей, шлемов, доспехов и голых безоружных рук вылетела лошадь и понеслась по улице прямо на меня. Седока на ней не было; вся она была покрыта белыми хлопьями пота, смешанного с кровью; и кровь прямо-таки ручьем текла у нее из дыры, зиявшей на месте выбитого глаза. Лошадь пронзительно ржала. Я попятился от нее и вдруг... оказался у нас в коридоре с веником в руках — вновь и вновь вспоминая и переживая то, что мне привиделось. Я был просто в ужасе, ведь все это я видел совершенно отчетливо и никак не мог отделаться от ощущения, что и сам был там. Увиденное то и дело вставало у меня перед глазами, каждый раз обрастая новыми подробностями. И на этот раз мне необходимо было кому-то об этом рассказать.

Так что, когда мы с Сэл пошли готовить классную комнату к занятиям, я все ей и рассказал, пока мы там были совершенно одни. И теперь снова пересказывал все сначала, еще более ясно вспоминая увиденное, и, по-моему, рассказывал гораздо лучше и подробнее. Сэлло, во всяком случае, слушала меня очень внимательно и даже вздрогнула, когда я описывал ей ту раненую лошадь.

— А какие на этих воинах были шлемы? — спросила она.

И в моей памяти, как на картинке, возникли те пришельцы, что развязали бой на улицах нашего города.

— В основном черные. А у одного шлем был с черным гребнем и плюмажем, похожим на конский хвост.

— Так, может, они из Оска?

— Нет, у них не было таких вытянутых деревянных щитов, как у осканцев. Помнишь осканских пленных во время парада? По-моему, у этих все доспехи были из какого-то металла — может, из бронзы — и

ужасно громко лязгали, когда они стали рубиться на мечах с городской стражей. По-моему, они из Морвы явились.

— Кто это явился из Морвы, Гэв? — услышал я за спиной чей-то приятный голос. От неожиданности мы с Сэл оба так и подскочили, точно марионетки на веревочке. Оказалось, что это Явен. Мы настолько увлеклись, что даже шагов его не расслышали, и теперь не знали, долго ли он слушал мой рассказ. Мы быстро вскочили, почтительно поздоровались с ним, сыном нашего хозяина, и Сэл сказала:

— Гэв рассказывал мне одну из своих историй, Явен-ди.

— И, похоже, весьма интересную, — сказал Явен. — Хотя войска из Морвы обычно выступают под черно-белым флагом.

— А у кого флаг зеленый? — спросил я.

— У Казикара. — Явен сел на переднюю скамью и вытянул перед собой длинные ноги. Явену Алтантеру Арке было семнадцать лет, он был старшим сыном в Семье и готовился стать офицером этранской армии. В последнее время он по большей части находился на службе и дома бывал редко, но когда все же бывал, то всегда приходил в класс и, как прежде, слушал уроки вместе с нами. Мы любили, когда он приходил, потому что в его присутствии казались себе такими же взрослыми, как и он; а еще Явен ко всем относился очень доброжелательно и всегда мог уговорить Эверру, нашего учителя, чтобы тот позволил нам читать разные интересные истории и поэмы вместо уроков грамматики и логики.

В класс уже входили девочки; потом влетели Торм, Тиб и Хоуби, потные и запыхавшиеся после игры в мяч на дворе; и, наконец, в класс вошел Эверра, высокий и, как всегда, сумрачно-суровый в своем сером одеянии. Мы встали, приветствуя его, и расселись по скамьям. Нас, учеников, было одиннадцать: четверо — дети Семьи, семеро — дети Дома.

Явен и Торм были родными детьми Семьи Арка, как и Астано. А Сотур была их двоюродной сестрой, так что принадлежала к тому же семейству.

Что же касается нас, домашних рабов, то Тибу и Хоуби было соответственно двенадцать и тринадцать лет, мне — одиннадцать, а девочкам, Рис и моей сестре Сэлло, по тринадцать. Око и ее братишка Мив были значительно младше и еще только начали учить буквы.

Все девочки обычно учились до тех пор, пока их не сочтут взрослыми и не выдадут замуж. Тиб и Хоуби, научившись читать, писать и декламировать кое-какие отрывки из эпических сказаний, тоже могли уже ближайшей весной покинуть нашу школу. Надо сказать, они просто дождаться не могли, когда это наконец произойдет и можно будет заняться каким-нибудь «настоящим делом». Меня же учили для того, чтобы я впоследствии мог стать здесь учителем и навсегда остаться в этой просторной продолговатой комнате с высокими окнами. Я знал, что, когда у Явена и Торма появятся дети, именно я, скорее всего, буду учить их, а также будущих детей наших домашних рабов.

В начале урока Явен призвал духов Предков благословить наши занятия, а Эверра упрекнул Сэл и меня за то, что мы не разложили по партам учебники. Потом мы принялись за работу, и почти сразу же Эверре пришлось призвать Тиб и Хоуби к порядку, потому что они дрались. Оба послушно вытянули перед собой руки ладонями кверху, и Эверра каждого по одному разу ударил своей палкой. В Аркаманте вообще редко кого-нибудь били, а уж таких мучительств, каким, насколько мы слышали, подвергали слуг в других Домах, и вовсе не допускалось. Нас с сестрой, например, ни разу никто даже пальцем не тронул; стыд, который мы испытывали, когда нас за что-то ругали или упрекали, всем представлялся вполне достаточным наказанием, и мы всегда старались как можно быстрее исправиться. А вот Хоуби и Тибу стыдно никогда не было, и наказания они, по-моему, ничуть не боялись, да и чего бояться, если ладони у обоих были твердые, как подошва. Они всю гримасничали и ухмылялись, только что не хихикали в полный голос, когда Эверра их наказывал; да и он, разумеется, делал это только потому, что так надо. Честно говоря, Эверра, как и сами эти ребята, просто дождаться не мог, когда же они наконец покинут его школу. Вот и сегодня, наказав их, он попросил Астано проверить, знают ли они сегодняшний урок — нужно было выучить наизусть отрывок из исторической хроники «Славные деяния города Этра», а Око велел помочь маленькому Миву писать буквы. После чего мы, то есть все остальные, вновь погрузились в изучение «Этики» Трудека.

«Как встарь», «как прежде», «по-старому» — эти слова мы частенько слышали в Аркаманте, и произносились они исключительно

с одобрением. Вряд ли кто-то из нас понимал, зачем мы учим наизусть нудные нравоучительные пассажи старины Трудека; впрочем, никому даже в голову не пришло бы спросить, зачем это нам. Такова была традиция Дома Арка — дать образование всем своим людям. А это означало, что нужно знать труды древних моралистов, эпос и историю Этры и других городов-государств, немного разбираться в геометрии и основных принципах инженерного искусства, а также — в математике, музыке и рисовании. Так в Аркаманте было всегда. Так было и сейчас.

Если успехи Хоуби и Тиба ограничились «Баснями» Немека, то Торм и Рис изо всех сил вместе с нами пробивались сквозь хитросплетение премудростей Трудека. Впрочем, Эверра, поистине превосходный учитель, сумел заставить нас, то есть Явена, Сотур, Сэлло и меня, одним махом преодолеть эти трудности и перепрыгнуть напрямик к изучению исторических хроник, летописей и эпоса, чему все мы были несказанно рады, хотя больше всех подобными вещами увлекались Явен и я. Когда мы наконец завершили обсуждение того, как «важно уметь держать себя в руках при любых обстоятельствах», на основе тех примеров, что были приведены в 41-й главе «Этики», я громко захлопнул книгу Трудека и потянулся за экземпляром «Осады Ошира», которая у нас с Сэл была одна на двоих. Мы только в прошлом месяце начали ее читать, но я уже знал наизусть каждую прочитанную строчку.

Наш учитель заметил, что я взял другую книгу, и его кустистые, черные с сединой брови удивленно поползли вверх.

— Гэвир, — сказал он, — ты закончил? Тогда, пожалуйста, послушай, как Тиб и Хоуби читают наизусть заданный урок; пусть Астано-йо пока отдохнет от них и присоединится к нашим занятиям.

Я понимал, почему Эверра это сделал. Не из вредности; это тоже был очередной урок этики. Он приучал меня к тому, что не всегда удается делать то, что хочется, и приходится делать то, чего совсем не хочется, и этот урок я обязан был усвоить. В общем, об этом как раз и шла речь в 41-й главе «Этики».

Я сунул книгу по истории Сэлло и пересел на боковую скамью. Астано с нежной улыбкой тут же передала мне книжку о подвигах нашего города. Астано было пятнадцать, и она была такая высокая, худая и светлокожая, что братья, желая ее подразнить, говорили, что она «из альдов» — так называется народ, проживающий в восточных

пустынях; говорят, что у альдов кожа белая, а волосы курчавые, как овечья шерсть. Впрочем, у нас слово «альд» означает еще и просто «дурак». Только Астано вовсе не была дурочкой; просто она была чересчур застенчивой и, по-моему, слишком хорошо выучила ту самую 41-ю главу. Молчаливая, какая-то очень правильная, очень скромная и очень выдержанная, она была истинной дочерью своего отца, сенатора Арки; нужно было очень хорошо знать Астано, чтобы понять, какая она на самом деле добрая, участливая, какие неожиданные мысли порой приходят ей в голову.

Одиннадцатилетнему мальчику очень трудно изображать учителя перед старшими ребятами, которые к тому же привыкли относиться к нему свысока, грубо с ним обращаются и обзывают то Креветкой, то Болотной Крысой, то Клюворылом. Хоуби, например, просто не выносил, когда я на уроке чего-то от него требовал. Хоуби родился в один день с Тормом. Только Торм был настоящим сыном Семьи, а Хоуби нет. Все это знали, но вслух об этом никто не говорил. Получалось, что Хоуби — сводный брат Явена и Торма, только его мать — рабыня, а значит, и он тоже раб. Впрочем, никакого особого отношения к нему в Доме не было, однако его бесило, если хозяева выделяли кого-то из рабов. Например, он всегда со злобной завистью относился к моему особому положению в классе. И теперь тоже хмуро поглядывал на меня, зная, что сейчас я к ним с Тибом «пристану».

Астано уже успела закрыть книжку, так что я спросил:

— Вы до какого места дошли?

— А мы никуда и не уходили, Клюворыл, все время тут сидели, — заявил Хоуби, и Тиб одобрительно захихикал.

Особенно противно было то, что Тиб вообще-то считался моим дружкой, но стоило ему оказаться в компании Хоуби, и он сразу же перебежал на его сторону, а меня бросал.

— Продолжай с того места, где вы остановились, — сказал я Хоуби, очень стараясь, чтобы голос мой звучал холодно и сурово.

— А я не помню, где это.

— Тогда начинай, откуда было задано на сегодня.

— А я и этого не помню.

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо и зашумела в ушах, и, конечно, тут же совершил ошибку, спросив:

— Что же ты помнишь?

— А я не помню, что именно я помню.

— Раз так, давай с самой первой страницы.

— А я и первой страницы не помню. — Хоуби был явно воодушевлен собственным успехом, однако на этот раз его хитрая уловка не сработала.

— Значит, ты вообще ничего из этой книги не помнишь? — спросил я, нарочно повысив голос, и Эверра тут же глянул в нашу сторону. — Ну, хорошо, — продолжал я довольно громко. — Тогда ты, Тиб, расскажешь специально для Хоуби то, что написано на первой странице.

Эверра все посматривал на нас, и Тиб, заметив это, не решился мне перечить и принялся невнятно бормотать, пересказывая главу «Начало великих подвигов», которую они обязаны были давным-давно знать наизусть. Когда он с горем пополам добрался до конца первой страницы, я остановил его и велел Хоуби повторить, отчего тот разозлился уже по-настоящему. Я чувствовал, что победа за мной, но понимал, что потом придется за это расплачиваться. И все же я заставил Хоуби отвечать урок, хоть он и бубнил его сквозь зубы. После чего я сказал:

— Ладно. А теперь продолжай с того места, где вы остановились с Астано-йо.

И он, как ни странно, подчинился, монотонно излагая содержание главы, посвященной набору в армию.

— А ты, Тиб, — посмотрел я на своего приятеля, — перефразируй. — Эверра всегда заставлял нас пересказывать текст своими словами, чтобы убедиться, что мы действительно его поняли, а не просто вызубрили наизусть.

— А ты, Тиб, — противным скрипучим голосом пробурчал тихонько Хоуби, передразнивая меня, — ферефвазивуй.

Тиб, естественно, снова захихикал.

— Ну, что же ты, Тиб, — подбодрил я его.

— Да-да, Тиб, давай, ферефвазивуй, — снова передразнил меня Хоуби, и Тиб заржал.

Эверра в это время увлеченно, с сияющими глазами, пояснял остальным какой-то отрывок эпического сказания, и все слушали его открыв рот; один лишь Явен, сидевший во втором ряду, быстро глянул в нашу сторону и сердито нахмурился. Под его мрачным взглядом

Хоуби тут же съежился, опустил плечи, потупился и незаметно пнул Тиба ногой. Тот сразу перестал хихикать и после некоторой борьбы с собой затянул:

— Ну, там, в общем, говорится... э-э-э... В общем, если городу угрожает враг, ну, то есть нападением угрожает, то Сенат делает, ну, я не знаю... как это называется?

— Созывает совет, — подсказал я.

— Да, совет и осуждает...

— Обсуждает, наверное?

— Да, обсуждает вопрос о призыве в армию людей свободных и дееспособных. А что, «обсуждать» и «осуждать» — это очень похоже, только как бы наоборот, да?

Вот за это я и любил Тиба: все-таки он способен был уловить разницу, все время задавал вопросы да и соображал довольно быстро, хотя мысли у него, по правде сказать, бывали довольно странные, неожиданные; вот только никто, кроме меня, почему-то этого не ценил, ну и сам он тоже о себе был весьма невысокого мнения.

— Нет, «обсудить» значит «о чем-то как следует поговорить друг с другом».

— Это если ферефвазивовать, — тихонько вставил Хоуби.

В общем, препираясь и запинаясь, мы потащились дальше. Урока они, можно сказать, совсем не знали, и я с огромным облегчением отложил наконец «Подвиги», но тут Хоуби, наклонившись вперед и в упор глядя на меня, прошипел сквозь зубы:

— Хозяйский любимчик!

Я привык, что меня дразнят то учительским, то хозяйским любимчиком. До некоторой степени это было правдой. Только вот учитель наш «хозяином» не был; он был таким же рабом, как и мы. А это большая разница. Когда говорят «хозяйский любимчик», все-таки имеют в виду подхалима, или ябеду, или даже предателя. А Хоуби к тому же сказал это с настоящей ненавистью.

Он завидовал тому, что Явен за меня заступается, а его заставляет стыдиться. Явена мы все просто обожали и страстно жаждали его похвалы. Хоуби всегда казался мне очень грубым и ко всему равнодушным, и я не мог понять такой простой вещи, что и он, возможно, любит Явена столь же сильно, только у него гораздо меньше возможностей угодить ему и куда больше причин чувствовать себя

униженным, когда в нашем с ним противоборстве Явен принимает мою сторону. Тогда я понимал лишь, что та кличка, которую он ко мне приклеил, отвратительна и несправедлива, и тут же, не выдержав, взорвался.

— Ничего подобного! — громко воскликнул я.

— Что «ничего подобного», Гэвир? — холодно спросил Эверра.

— То, что говорит Хоуби!.. Неважно... извините, учитель. Прошу прощения за то, что прервал вас. И вы все меня простите.

Эверра милостиво кивнул и сказал:

— Тогда садись и веди себя тихо. — Я снова сел рядом с сестрой и какое-то время даже строчек в книге не мог разобрать, хотя Сэлло старалась держать ее так, чтобы мне было видно. В ушах у меня стоял звон, перед глазами плыла пелена. Нет, это просто ужасно, что Хоуби так меня назвал! Я никогда не был хозяйским любимчиком! И ябедой я не был. И никогда не стал бы, как наша служанка Риф, шпионить за другими и нарочно вызывать на разговор, чтобы втереться в доверие, а потом донести хозяевам. Только Риф похвалы не дождалась. Мать Фалимер так и сказала ей: «Ябед я не люблю», и в итоге Риф отправили на рынок рабов и продали. За всю свою жизнь я не припомню, чтобы еще кого-то из взрослых рабов Аркаманта продали. У нас и хозяева, и рабы доверяли друг другу и отчетливо сознавали свой долг. А как же иначе?

Когда занятия подошли к концу, Эверра роздал наказания тем, кто мешал ему вести урок: Тиб и Хоуби должны были выучить дополнительно целую страницу из «Великих подвигов»; затем нам троим было велено переписать 41-ю главу из «Этики» Трудека; а я получил еще и отдельное задание: набело переписать в общую классную тетрадь тридцать строк из эпической поэмы Гарро «Осада и падение Сентаса» и к завтрашнему дню заучить их наизусть.

Не знаю, понимал ли Эверра, что его наказания чаще всего воспринимаются мной как награды. Наверное, понимал. Впрочем, тогда я воспринимал его как человека невероятно старого и мудрого; мне и в голову не приходило, что он способен думать обо мне или интересоваться моими переживаниями. И поскольку Эверра называл переписывание поэзии «наказанием», то и я очень старался поверить, что это так. На самом деле я с наслаждением, высунув язык, переписывал заданные строки. Почерк у меня тогда был ужасный,

какие-то кривоватые каракули, а не почерк. А толстая тетрадь, в которую мы переписывали набело, должна была достаться в наследство тем, кто будет учиться после нас, — точно так же, как и нам достались книги и тетради предыдущих поколений учеников; они ведь тоже некогда переписывали те же строки, сидя в нашем классе. Последний отрывок в общей тетради был переписан Астано. После ее мелкого изящного почерка, почти такого же четкого, как в настоящих печатных книгах из Месуна, написанные мною строчки выглядели особенно ужасно; буквы ползли вкривь и вкось, как бы с трудом пробираясь по бумаге, и смотреть на это уродство было для меня сущим наказанием. Ну а наизусть этот отрывок я и без того уже знал.

Я вообще все запоминаю как-то очень быстро, точно и полно. Даже в раннем детстве, да и потом, уже подростком, я мог запомнить целиком страницу книги, или мельком увиденное помещение, или чье-то лицо, промелькнувшее в толпе, а потом все это вспоминалось мне столь же отчетливо, как если бы я вновь видел это прямо перед собой. Возможно, именно поэтому я и сбивал с толку собственную память тем, что условно называл «воспоминаниями», хотя на самом деле ни к памяти, ни к воспоминаниям эти видения не имели ни малейшего отношения.

Тиб и Хоуби сразу ринулись вон из класса, отложив свое наказание на потом; я же остался и все сделал сразу, а потом пошел помогать Сэлло подметать коридоры и внутренние дворики, поскольку такова была наша повседневная обязанность. Приведя в порядок дворик перед «шелковыми комнатами», мы отправились на кухню и перекусили хлебом с сыром, а потом я хотел было продолжить уборку, но Торм прислал за мной Тиба и передал, чтобы я шел вместе с ним «учиться военному делу».

Подметать дворы и коридоры этого огромного дома — работа, между прочим, немалая; полагалось, чтобы там всегда было чисто, и у нас с Сэлло обычно большая часть дня уходила на то, чтобы этому требованию соответствовать. Мне не хотелось бросать все на Сэл — тем более она и так уже достаточно потрудилась одна, пока я переписывал стихи, но послушаться Торма я не мог.

— Ох, да иди ты, иди, — сказала мне сестра, лениво подметая под тенистыми арками центрального атриума, — тут совсем немного осталось. — И я, разумеется, тут же радостно помчался в парк, на ту

аллею под городской стеной, где росли гигантские сикоморы. Парк находился в южной части города на расстоянии нескольких улиц от Аркаманта. Торм уже всю муштровал Тиба и Хоуби в тени сикомор, и я присоединился к ним. Такие игры мне ужасно нравились.

Явен был таким же высоким и гибким, как его сестра Астано и их мать, а вот коренастый, мускулистый Торм больше походил на отца. Во внешности Торма вообще было что-то не то — какая-то кривобокость, что ли. Он вроде бы и не хромал, но при ходьбе как-то странно нырял вперед, приволакивая ноги. И лицо у него тоже было каким-то кривоватым, точно две его половины не совсем подходили друг к другу. Торм отличался внезапными приступами неукротимой ярости; порой это были настоящие припадки, когда он дико кричал, дрался со всеми, точно безумный, рвал на себе одежду и сам себя царапал. Теперь, становясь взрослым, он, похоже, понемногу приходил в себя: детские припадки почти прекратились, а бушевавшая в нем ярость несколько улеглась. Он очень много внимания уделял своей физической форме и в результате постоянных упражнений постепенно превращался в настоящего атлета. Все его помыслы были связаны с армией; он мечтал стать воином и сражаться за Этру. Однако в армию его могли взять в лучшем случае года через два, и он пока решил создать собственный боевой отряд из Хоуби, Тиба и меня. Вот уже несколько месяцев он нещадно муштровал нас, точно солдат на плацу.

Мы устроили тайник под одной из огромных старых сикомор, росших в парке, и прятали там свои деревянные щиты и мечи, а также поножи и шлемы, сделанные из кожи мною и Сэлло под руководством Торма. У самого Торма на шлеме красовался плюмаж из рыжих конских волос, которые Сэл собрала на конюшне и весьма удачно скрепила; по-моему, плюмаж этот был просто великолепен. Маршировали мы обычно на длинной, поросшей травой аллее в глубине парка, под самой городской стеной. Место было весьма уединенное. Я бежал к ним меж деревьями напрямки и еще издали увидел, как они там маршируют. Быстренько надвинув на голову шлем и схватив меч и щит, я, все еще задыхаясь от быстрого бега, встал в строй, и некоторое время мы разучивали повороты и остановки по команде. Затем Торм, наш востроглазый орел-командир, заставил нас стоять по стойке «смирно», а сам принялся бегать вдоль «строя», ругая

одного за то, что он криво надел шлем, второго за то, что он стоит недостаточно прямо, третьего за то, что он не туда скосил глаза, и т. п.

— Эх вы, жалкие вояки! — рычал он. — Шпаки проклятые! Разве сможет Этра когда-нибудь победить проклятых вотусанов, если в армию берут такой сброд?

Мы застыли, как изваяния, и, не мигая, смотрели прямо перед собой, исполненные решимости во что бы то ни стало победить «проклятых вотусанов».

— Ну, ладно, — смилостивился наконец Торм. — Значит, так: Тиб и Гэв будут вотусанами, а мы с Хоуби — этранцами. Вы, парни, займете позиции за земляным валом, а мы совершим кавалерийскую атаку.

— Почему-то всегда именно они бывают этранцами, — проворчал Тиб, когда мы бежали с ним к «земляному валу» — заросшей травой дренажной канаве. — Почему нам-то хоть разок нельзя этранцами побыть?

Вопрос был чисто риторический, разумеется; ответа на него не существовало. Мы скатились в канаву и приготовились к бешеной атаке кавалерии Этры.

Отчего-то напали они далеко не сразу, и у нас с Тибом хватило времени, чтобы приготовить вполне приличный запас снарядов: небольших комков твердой, как камень, глины. Когда мы наконец услышали ржание и храп лошадей, то встали и стали яростно отражать атаку с помощью этих снарядов, которые по большей части либо не долетали до цели, либо пролетали мимо. Но один комок, как ни странно, угодил Хоуби прямо в лоб. Не знаю уж, кто его бросил, Тиб или я. Хоуби остановился, явно потрясенный этим, и стоял, как-то странно качая головой и неотрывно глядя на нас. А Торм продолжал мчаться вперед с криками: «На врага, воины! За наших Предков! За Этру! За великую Этру!» — и в итоге свалился прямо в канаву, хотя при этом и не забыл заржать, подражая боевому коню. Мы с Тибом, естественно, отступили под натиском столь яростной атаки, и Торм, чувствуя себя победителем, наконец оглянулся и увидел Хоуби.

Хоуби, с потемневшим от ярости и грязи лицом, во весь опор мчался прямо на нас. Спрыгнув в канаву, он бросился на меня и замахнулся своим деревянным мечом, явно намереваясь разрубить меня пополам. Я попятился к росшим по краю канавы кустам,

понимая, что бежать мне некуда и остается только поднять щит и обороняться, пытаюсь с помощью своего меча как-то отразить его бешеные удары.

Деревянные мечи с громким стуком ударились друг о друга, и мой меч, выбитый его куда более сильным ударом, мелькнув в воздухе, полетел ему прямо в лицо. А его меч с такой силой обрушился мне на руку, повредив запястье, что я взвыл от боли.

— Эй! — крикнул Торм. — Не драться! Оружие в ход не пускать! — Вообще-то он с самого начала предупредил нас насчет строгости тех правил, согласно которым мы имели право брать в руки оружие лишь для того, чтобы исполнить нечто вроде танца с мечами: то есть мы могли делать выпады и парировать, но удары наносить не должны были ни в коем случае.

Торм бросился к нам, пытаюсь нас разнять, и я был первым, на кого он обратил внимание, потому что я плакал и протягивал к нему руку, которая нестерпимо болела. Только потом он повернулся к Хоуби; тот стоял, закрыв руками лицо, и между пальцами у него текла кровь.

— Что там у тебя? Дай-ка я посмотрю, — сказал Торм, и Хоуби простонал:

— Я ничего не вижу! Я ослеп!

Рядом даже воды не было; ближайшим ее источником был фонтан во дворе Аркаманта. Но наш командир не растерялся: он велел Тибу и мне спрятать оружие в тайник и быстро бежать домой, а Хоуби повел домой сам. Мы нагнали их уже у фонтана. Торм смывал у Хоуби с лица грязь и кровь.

— В глаз он тебе не попал, — говорил он, — я уверен, что не попал. Разве что чуть-чуть задел. — Сам я, правда, не был полностью в этом уверен. Острый конец моего деревянного меча, который Хоуби выбил у меня из рук, нарисовал у него под глазом кровавый зигзаг, а может, и в глаз попал. Из раны все еще текла кровь, и Торм, оторвав от подола рубахи лоскут, сложил его в несколько раз и велел Хоуби прижать его к ране. — Ничего страшного, — приговаривал он, — все обойдется. И вообще, солдат, это благородное ранение. Воина шрамы только украшают! — Вскоре Хоуби, обнаружив, что левым-то глазом он, по крайней мере, видеть может по-прежнему, несколько успокоился и вопить перестал.

Я, замерев от ужаса, стоял рядом навтыяжку. Когда я увидел, что Хоуби видеть все-таки может, то, испытывая огромное облегчение, воскликнул:

— Прости меня, Хоуби!

Он оглянулся, сверкнув здоровым глазом — второй глаз по-прежнему был прикрыт куском тряпки, — и прошипел:

— Ах ты, маленький ябедник! Сперва ты в меня камнем кинул, а потом и мечом прямо в лицо угодил!

— Это был вовсе не камень, а просто земля! И мечом я тебя задеть совсем не хотел! Просто он у меня из рук вылетел, когда ты по нему ударил...

— Так ты что, камнями кидался? — грозно спросил у меня Торм, и мы с Тибом дружно принялись оправдываться, уверяя его, что бросались только комками глины. И вдруг выражение лица у Торма стало совершенно иным; он тоже вытянулся по стойке «смирно». Мы даже не сразу поняли, в чем дело.

Его отец, Отец Аркаманта, Алтан Серпеско Арка, возвращался домой из Сената и заметил у фонтана нашу четверку. И теперь стоял всего в паре шагов от нас, внимательно на нас глядя, а рядом с ним стоял его охранник Меггер.

Алтан-ди был широкоплечим, с мощным торсом и сильными руками. Даже в чертах его округлого лица — в выпуклом лбе, вздернутом носе, узких глазах — чувствовалась энергия, некая напористая сила. Мы почтительно с ним поздоровались и замерли, ожидая, что он скажет дальше.

— Что случилось? — спросил Алтан-ди. — Он что, ранен?

— Мы играли, отец, — ответил Торм. — Он просто порезался.

— А глаз задет?

— По-моему, нет.

— Немедленно отведи его к Ремену. А это еще что такое?

Мы-то с Тибом успели спрятать все наше оружие в тайнике, но на голове Торма по-прежнему красовался шлем, украшенный плюмажем; и Хоуби тоже позабыл про свой шлем, хотя и несколько менее красивый.

— Это шапка, отец.

— Это не шапка, а шлем. Вы что, в войну играли? С этими мальчишками?

Он снова быстро окинул взглядом нас троих. Торм промолчал.

— Говори ты, — сказал Отец Алтан, обращаясь ко мне — и явно считая меня самым младшим, самым слабым и самым трусливым. — Ну, говори: вы играли в солдат?

Я в ужасе посмотрел на Торма, ожидая подсказки, но он по-прежнему стоял, точно воды в рот набравши, и лицо у него было как каменное.

— Мы маршировали, Алтан-ди, — прошептал я.

— Больше похоже на то, что вы сражались друг с другом. Покажи-ка мне свою руку. — В голосе его не было ни угрозы, ни гнева, только абсолютная холодная властность.

Я вытянул перед собой руку; на запястье, у основания большого пальца, виднелась большая багровая опухоль.

— Каким оружием пользовались?

И снова я устремил свой взор на Торма, мучительно взывая к нему. Неужели я должен лгать нашему Отцу?

Но Торм смотрел прямо перед собой, и мне пришлось ответить.

— Деревянными, Алтан-ди.

— Так, значит, мечи у вас были деревянные. Что еще у вас было?

— Щиты, Алтан-ди.

— Все он врет! — сказал вдруг Торм. — Он с нами даже не маршировал! Он же еще маленький. Просто мы пытались на сикомору взобраться, и Хоуби сорвался, вот ветка его по лицу и хлестнула.

Некоторое время Алтан Арка молчал, а я испытывал странную смесь дикой надежды и пронзительного ужаса, слушая вранье Торма.

Затем Отец медленно проговорил:

— Но вы, значит, все-таки маршировали?

— Иногда мы учимся маршировать, — сказал Торм и, помолчав, прибавил: — Я их учу.

— Вы маршируете с оружием?

Торм снова умолк, точно язык проглотил. Стоял и молчал, и это затянувшееся молчание становилось просто невыносимым.

— Вы оба, — сказал наконец Отец, обращаясь ко мне и Тибу, — немедленно отнесите все ваше оружие на задний двор. А ты, Торм, отведи этого мальчика к Ремену и проследи, чтобы тот хорошенько его осмотрел и сделал все, что нужно. А потом приходи на задний двор.

Мы с Тибом дружно поклонились и со всех ног помчались назад, в парк. Тиб плакал, у него даже зубы от страха стучали. А я пребывал в каком-то странном болезненном состоянии вроде лихорадки, отчего все вокруг казалось мне каким-то неестественным, точно во сне; я был довольно спокоен, но разговаривать с Тибом не мог. Мы сразу направились к тайнику, выудили оттуда наши деревянные мечи и щиты, шлемы и наколенники и поволокли их на задний двор Аркаманта. Там мы свалили все это в кучу и встали рядом, ожидая кары.

Отец, уже переодевшись в домашнее платье, быстрым шагом подошел к нам, и я прямо-таки почувствовал, что Тиб весь съезжился от страха. Я поклонился Отцу и стоял спокойно. Я не боялся Отца, во всяком случае, Хоуби я боялся гораздо больше. А перед нашим Отцом я испытывал некий благоговейный трепет, полностью ему доверяя. Этот человек в моих глазах был абсолютно всемогущ, и абсолютно справедлив. Он, конечно же, поступит с нами по справедливости, и если мы должны быть наказаны, то пусть так и будет.

Вскоре из дома вышел и Торм; широко шагая, он поспешил к нам. Он казался уменьшенной копией своего отца. Резко затормозив перед печальной грудой деревянного оружия и доспехов, он поклонился Алтану-ди, но стоял с высоко поднятой головой.

— Ты знаешь, Торм, что это преступление — давать рабу любое оружие?

— Да, отец, — пролепетал Торм.

— Ты знаешь, что в армии Этры рабов нет? Что воины — это свободные люди? Что обращаясь с рабом, как с воином, ты проявляешь оскорбительное неуважение по отношению к нашей армии и нашим Предкам? Тебе все это должно быть хорошо известно, Торм.

— Да, мне это хорошо известно.

— Но ты все же совершил это преступление, проявив крайнее неуважение к нашим законам и традициям.

Торм стоял совершенно неподвижно, только лицо его как-то жутковато подергивалось.

— Итак, кого же следует наказать за это, тебя или рабов?

Глаза Торма широко распахнулись — видимо, подобная возможность даже в голову ему не приходила, однако он по-прежнему молчал. И молчание снова затягивалось.

— Кто у вас командовал? — спросил Отец.

— Я.

— Ну и?

Снова надолго воцарилось молчание.

— Ну и наказание должен понести я, отец.

Алтан Арка коротко кивнул и снова спросил:

— А они?

Торм, явно преодолевая себя, буркнул:

— А они делали то, что им велел я.

— Так я не понял: надо их наказывать за то, что они следовали твоим командам?

— Нет, отец.

Еще один короткий кивок, и Отец посмотрел на нас с Тибом, но так, словно мы находились где-то далеко-далеко.

— Сожгите этот хлам, — велел он, — и учтите: подчиниться преступному приказу — это тоже преступление. Вы остаетесь безнаказанными лишь потому, что ваш хозяин берет всю ответственность на себя. Тебя, мальчик с Болот, кажется, Гэв зовут? А тебя...

— Меня зовут Тиб, Отец Алтан. Я с кухни, — пролепетал Тиб.

— В общем, сожгите все это и немедленно возвращайтесь к работе. — Он повернулся к Торму. — Идем, — сказал он ему, и они пошли куда-то бок о бок под длинной аркадой. Выглядели они, точно воины на параде.

Мы сходили на кухню, взяли там из очага пылающую головню и запалили сваленные в кучу деревянные мечи и щиты; но когда мы бросили в костер наши кожаные шлемы и наколенники, те несколько прибили огонь, и костер задымил. Тогда мы, обжигая себе руки, разгребли полуобгоревшие деревяшки и противно пахнущие кожаные ремешки и закопали все это в палисаднике перед кухней. И уже после этого окончательно распустили сопли. Быть воинами было тяжело и даже немного пугающе, зато почетно, и мы так гордились собой, играя в эту игру. Я, например, просто обожал свой деревянный меч и частенько ходил к тайнику один, доставал его оттуда, пел ему песни, без конца полировал его грубо выструганное щелястое лезвие камнем и натирал его для блеска салом, припасенным с обеда. Но в итоге игра обернулась ложью. Даже во время игры мы никогда не были воинами

— только рабами. Мы так и остались рабами. Рабами и трусами. А я еще и предал своего командира. Да меня просто тошнило от стыда и позора!

К началу послеобеденных занятий мы, естественно, опоздали. Когда мы, бегом промчавшись через весь дом и задыхаясь, влетели в класс, Эверра с отвращением посмотрел на нас и велел:

— Идите умойтесь. — А мы-то на себя и внимания не обратили; только теперь я заметил, как перепачкана наша одежда, какие грязные у нас руки, а физиономия Тиба к тому же вся в потеках сажи, слез и соплей; да и сам я, наверное, выглядел не намного лучше. — Сходи с ними, Сэлло, — попросил учитель мою сестру, — и проследи, чтобы они привели себя в порядок. — По-моему, добрый Эверра послал Сэл с нами, понимая, до какой степени мы оба расстроены.

Я успел заметить, что Торм сидит в классе на своем обычном месте, а вот Хоуби там нет.

— Что случилось? — спросила Сэлло, помогая нам отмыться, но я вместо ответа спросил:

— А что вам Торм сказал?

— Он сказал, что Отец Алтан приказал вам сжечь кое-какие игрушки, так что вы, возможно, опоздаете к началу занятий.

Значит, Торм прикрыл нас, придумал для нас оправдание! С одной стороны, я испытал огромное облегчение, но с другой — это оказалось настолько незаслуженным после моего предательства, что я чуть не расплакался от благодарности и стыда.

— Интересно, какие такие игрушки он велел вам сжечь? Чем вы там занимались?

Я молча покачал головой, решив ничего ей не говорить. Но Тиб не выдержал:

— Мы играли в воинов и маршировали, а Торм-ди нами командовал.

— Заткнись, Тиб! — сказал я, но было уже поздно.

— С какой это стати мне затыкаться?

— Мало тебе неприятностей?

— Мы же не виноваты! Так и Отец сказал. Он же сказал, что во всем виноват Торм-ди.

— Ничего подобного! Ты бы лучше об этом помалкивал, раз не понимаешь! Ты же предаешь его!

— Ну, так ведь он же соврал, — сказал Тиб. — Он сказал, что мы лазили по деревьям.

— Он просто пытался уберечь нас от лишних неприятностей!

— А может, себя самого? — возразил Тиб.

У фонтана во дворе Сэл как-то ухитрилась погрузить наши головы в воду и почти дочиستا оттереть наши перепачканные физиономии. Возилась она довольно долго. Сперва мои многочисленные ожоги сильно щипало, потом я почувствовал приятную прохладу; особенно приятно было опустить в воду свое уже очень сильно распухшее запястье. Отскребая с нас грязь, Сэлло постепенно вытянула-таки из нас всю историю с оружием, но отреагировала весьма немногословно, сказав Тибу:

— Гэв прав. Не надо об этом болтать.

На обратном пути я спросил у нее:

— А что, теперь Хоуби на один глаз ослепнет?

— Торм-ди сказал только, что он слегка повредил себе глаз, — пожала плечами Сэлло.

— Хоуби ужасно на меня зол, — вздохнул я.

— Ну и что? — вдруг возмутилась Сэлло. — Ты же не нарочно его поранил! А вот он как раз *хотел* ударить тебя мечом. Пусть только еще раз попробует, вот тогда действительно в беду попадет! — Она говорила чистую правду Мягкая и добродушная, моя сестра моментально воспламенялась, стоило кому-нибудь меня обидеть, и готова была защищать своего младшего брата столь же свирепо, как кошка защищает своих котят. Об этом все знали. А Хоуби, кстати сказать, она никогда не любила.

Прежде чем войти в класс, Сэлло обняла меня за плечи и на минутку прижала к себе; я тоже быстро обнял ее, я снова все стало хорошо... почти хорошо.

Глава 2

Глаз у Хоуби поврежден не был. Безобразный шрам пересекал его бровь ровно посередине, но, как выразился Торм, «не так уж Хоуби и красив, чтобы эту красоту можно было испортить». На следующий день Хоуби вернулся в школу, всю шутил и вообще вел себя вполне мужественно, хотя голова у него и была перебинтована. Он со всеми был весел и дружелюбен — за исключением меня. Какова бы ни была истинная причина его странного соперничества со мной, действительно ли он считал, что я пытался его унижить, бросив камнем ему в лицо, он так или иначе явно видел во мне врага и с тех пор уже не скрывал своего неприязненного ко мне отношения.

В таком огромном хозяйстве, как Аркамонт, у любого из домашних рабов сколько угодно возможностей навлечь беду на своего недруга. К счастью, ночевал Хоуби в так называемой мужской Хижине, а я — по-прежнему в доме... Однако даже сейчас, когда я пишу эту историю для тебя, моя дорогая жена, и для тех, кому, возможно, захочется ее прочесть, я думаю так же, как думал и тогда, двадцать лет назад, когда был еще мальчиком-рабом. Моя память дает мне возможность настолько ясно видеть прошлое, словно все это снова происходит здесь и сейчас, у меня на глазах, и я забываю, что кое-что уже стоило бы пояснить и тебе, и читателям, и, пожалуй, даже самому себе. Описывая нашу жизнь в Аркамонте, в городе-государстве Этра, я снова погружаюсь в мир моего детства, я воспринимаю эту жизнь именно так, как воспринимал и тогда — как бы изнутри и стоя на самой нижней ступеньке существовавших в нашем Доме отношений. Я не имел возможности ни с чем эту жизнь сравнить и считал подобное положение вещей единственно возможным. Детям вообще свойственно именно так воспринимать окружающий их мир. Как и рабам. Свобода ведь в значительной степени связана с пониманием того, что существующему порядку вещей есть некие альтернативы.

А я, кроме Этры, в те времена не знал ничего. Этра и соседние города-государства почти перманентно пребывали в состоянии войны, и воины в обществе занимали весьма важное положение. Воинами обычно становились только представители двух высших классов: знати, из числа которой выбирались и члены Сената, и так называемых

свободных людей — земледельцев-фермеров, купцов, подрядчиков, архитекторов и т. п. Мужчины, входившие в последнюю группу, имели право голосовать по некоторым законодательным вопросам, но не имели права занимать государственные должности. К тому же среди «свободных» имелось и небольшое количество «освобожденных», т. е. бывших рабов. Ниже их стояли только рабы.

Женщины, представительницы всех классов, занимаются физическим трудом только дома, а мужчины-рабы трудятся как в доме, так и вне его. Численность рабов увеличивается за счет пленных, захваченных во время войны или бандитских вооруженных налетов на другой город или Деревню, или же за счет детей, рожденных домашними рабами; рабов можно покупать или дарить, что и делают те, кто принадлежит к двум высшим классам. Раб не имеет никаких законных прав, не может вступить в брак и чаще всего живет в вечной разлуке и со своими родителями, и со своими детьми.

Жители городов-государств поклоняются Предкам тех, кто здравствует ныне. Люди, не имеющие Предков, то есть «освобожденные» и рабы, могут поклоняться только праотцам того семейства, которое ими владеет или владело, или же праотцам самого города, великим духам давно минувших времен. Но рабы поклоняются и некоторым другим божествам, известным повсюду на Западном побережье: богине Энну, богу Раниу и богу Удачи, которого называют также Глухим богом.

Ясно, что и я от рождения был рабом, а потому и говорю в основном о рабах. Но если вы прочтете любую историческую хронику — Этры или другого города-государства, — то там все будет только о правителях, сенаторах, генералах, славных воинах, богатых купцах и так далее; там будут описаны только деяния тех людей, которые *вольны были* совершать или не совершать эти деяния. О рабах там вы не найдете ни слова. Основное качество и добродетель раба — его незаметность, даже почти невидимость. Людям бесправным, лишенным власти, приходится быть незаметными; они порой даже самих себя толком не видят. Эту важную вещь Сэлло, например, давно уже поняла, а я еще только учился этому.

В Аркаманте мы, домашние рабы, ели на кухне; там всегда можно было найти вкусную кашу из пшеничных зерен, свежий хлеб, сыр, оливки, свежие или сушеные фрукты, молоко, а по вечерам еще и

горячий суп. Впрочем, зимой горячего супу можно было похлебать и утром. Одевали и обували нас вполне прилично, постели были всегда чистые и теплые. Аркамант славился своим богатством и щедростью. Наша Мать с презрением отзывалась о тех хозяевах, которые отправляют своих рабов на улицу босиком, голодными, со следами побоев. В Аркаманте старых рабов, которые уже не могли приносить пользу своим трудом, продолжали содержать в холе и тепле, кормили и одевали до самой смерти; а к старой Гамми, которую мы с сестрой очень любили и которая была нянькой еще самого Алтана-ди, все относились с особой теплотой. Мы хвастались перед рабами из других Домов, что суп для нас варят с мясом, а одеяла у нас шерстяные. Мы презрительно смотрели на те безвкусные и претенциозные «ливреи», которые вынуждены были носить рабы чужих Домов. Нам гораздо больше по душе были традиционные, «как у наших предков», прочные, добротные одежды. Как, впрочем, и все в Аркаманте.

Взрослые рабы-мужчины спали в большом отдельном строении на заднем дворе, Хижине; женщины и дети ночевали в просторной спальне рядом с кухней. Младенцы, как принадлежавшие Семье, так и из числа домашних рабов, вместе с няньками и кормилицами размещались в детской неподалеку от покоев самой Семьи. «Подарочные» девушки проживали и развлекали гостей или своих постоянных любовников в «шелковых комнатах», красиво убранных помещениях в дальнем западном крыле, отделенном внутренним двориком.

Женщины сами могли решить, когда мальчику следует переехать из общей женской спальни в мужскую Хижину. Например, несколько месяцев назад они отправили туда Хоуби — главным образом для того, чтобы просто от него избавиться: он постоянно всем грубил и жестоко издевался над младшими детьми. Сперва, по-моему, более взрослые юноши, жившие в Хижине, встретили его в штыки, но он тем не менее страшно гордился этим переселением, считал его существенным признаком собственной мужественности и презирал нас, младших, за то, что мы спим «в норе вместе со всем выводком».

Тиб тоже только и мечтал о том, чтобы его отправили на ту сторону двора, а мне так жилось очень хорошо: у нас с Сэл был собственный крошечный закуток, собственный запирающийся сундучок и собственная просторная лежанка; да и Гамми по-матерински опекала

нас. А когда она умерла, нас не разлучили и позволили заботиться друг о друге. Тут надо пояснить: поскольку у рабов как бы нет ни родителей, ни детей, то любая женщина имеет право даты выход своим материнским чувствам и заботиться о каком-то ребенке или о нескольких детях; во всяком случае, ни один ребенок не ложится спать, испытывая горечь одиночества. А у некоторых детей бывает даже несколько «приемных матерей». Всех женщин дети называют «тетя» или «тетушка». Наши «тетушки» частенько говорили, что мне приемная мать и вовсе не нужна, потому что у меня такая замечательная сестра. И я был совершенно с этим согласен. Когда Хоуби убрали из нашей общей спальни, моей сестре больше не нужно было защищать меня от его преследований, однако за пределами спальни все стало гораздо хуже. Обязанность подметальщика вынуждала нас с Сэлло ходить по всему огромному дому, и Хоуби подстерегал меня в таких уголках двора и в таких коридорах, где люди бывали довольно редко. Он хватал меня за шиворот, приподнимал и начинал трясти и мотать из стороны в сторону, как собака трясет пойманную крысу, желая сломать ей шею. При этом он все время гнусно ухмылялся, заглядывая мне в лицо, а потом с силой швырял меня на пол, пинал ногой и удалялся. Это было ужасно — вот так, беспомощно, болтаться в его руках! Я брыкался, я вырывался изо всех сил но был гораздо меньше и слабее его, да и руки у меня были коротковаты, я даже дотянуться до него не мог, а если мне все же удавалось пнуть его ногой, то он, похоже, этих жалких пинков даже не замечал. Звать на помощь я не осмеливался: если ссора между рабами тревожила покой членов Семьи, то этих рабов непременно сурово наказывали. По-моему, моя беспомощность только распаляла жестокость Хоуби, ибо он вел себя все хуже и хуже. Он был хитер и никогда не тряс и не пинал меня в присутствии других людей, но стал все чаще устраивать свои гнусные засады, исподтишка ставил мне подножки, выбивал у меня из рук тарелки с едой и т. д. Но хуже всего то, что он не упускал случая оболгать меня, обвиняя в воровстве и ябедничестве.

Впрочем, женщины у нас в спальне почти не обращали внимания на рассказы Хоуби, а вот старшие ребята, жившие в Хижине, к нему, увы, прислушивались и в итоге стали относиться ко мне как к жалкому маленькому шпиону и хозяйскому любимчику. Я этих юнцов видел

редко, ибо они были заняты работой и почти не попадались мне на глаза. Зато с Тормом я каждый день встречался в школе. С того дня, когда состоялась наша битва на «земляном валу», то есть в заросшей травой канаве, Торм совершенно перестал обращать внимание на нас с Тибом и своим единственным дружкой сделал Хоуби, а тот с некоторых пор стал обзывать меня «вонючкой», и Торм вскоре последовал его примеру.

Эверра не мог напрямую сделать Торму замечание или тем более устроить ему выговор. Торм был сыном Семьи, а Эверра — рабом. Уважения заслуживала лишь та роль, которую Эверра играл, но не он сам. Он имел право исправлять ошибки, которые Торм делал при чтении, или, скажем, в чертежах, или исполняя какую-нибудь мелодию, но делать ему замечания по поводу поведения он не мог; он мог, например, сказать: «Тебе придется переделать это упражнение», но остановить его окриком: «Немедленно прекрати это!» — не мог. Впрочем, те болезненные приступы бессмысленной ярости, случавшиеся с Тормом в детстве, давали Эверре кое-какие дополнительные возможности; он и теперь порой пользовался этими возможностями, чтобы держать Торма в руках. Когда тот начинал орать и драться, Эверра просто хватал его в охапку и выносил из класса, а потом запирали в кладовке в дальнем конце коридора, пригрозив, что если он сам попытается выбраться оттуда, то его родителям будет сообщено, как отвратительно он вел себя на уроке. И Торм, посидев какое-то время в одиночестве, обычно приходил в себя и терпеливо ждал, когда Эверра его выпустит. Мне кажется, он и сам бывал рад, что его заперли, потому что, даже став старше и гораздо сильнее, когда Эверра уже и не смог бы, наверное, с ним справиться, он чуть ли не бегом бросался по коридору, стоило нашему учителю сказать: «В кладовую, Торм-ди!», и охотно позволял Эверре запереть за собой дверь. Теперь, правда, у него уже почти год не было настоящих припадков, но один или два раза, когда он снова начинал выходить из себя, Эверра тихо говорил ему: «В кладовую, пожалуйста», и он послушно направлялся туда.

Однажды весной Хоуби снова стал приставать ко мне в классе; он нарочно толкал скамью, когда я писал, потом разлил чернила и обвинил меня в том, что я специально испортил ему тетрадь, затем

принялся очень больно щипаться, стоило мне пройти мимо. Заметив это, Эверра сказал:

— Оставь Гэвира в покое, Хоуби. Вытяни перед собой руки!

Хоуби встал и, выбросив перед собой руки ладонями вверх, со своей обычной бараньей упрямой усмешкой приготовился к наказанию.

Но тут вмешался Торм.

— А он ничего такого не сделал, чтобы его наказывать! — заявил он.

От неожиданности Эверра не сразу нашелся, что ответить. Но все же сказал:

— Он мучил Гэвира, Торм-ди.

— Этого вонючку? Да это его надо наказывать, а не Хоуби! Это же он чернила разлил.

— Он сделал это случайно, Торм-ди. Я за это не наказываю.

— Нет, не случайно! А Хоуби и вообще ничего такого не сделал! Нечего его наказывать! Скорее уж этот дерьмец наказания заслуживает!

Хотя Торма пока еще не трясло от ярости, как бывало, но он явно был на грани очередного срыва: лицо его исказилось, глаза вдруг словно ослепли и даже побелели от бешенства. Наш учитель стоял и молчал. Я заметил, как он быстро глянул на Явена, склонившегося над каким-то чертежом и совершенно поглощенного своим занятием. Я тоже очень надеялся, что Явен — все-таки он был старшим братом Торма — заметит, что происходит; но он словно ничего не слышал; а Астано в тот день в классе не было.

Наконец Эверра сказал:

— В кладовую, пожалуйста, Торм-ди.

Торм машинально сделал пару шагов. И остановился. Затем повернулся лицом к учителю и хрипло, с трудом выговаривая слова, сказал:

— Я, я, я... приказываю тебе наказать этого дерьмеца! — Лицо его при этом дергалось и тряслось, как и в тот день, когда нас ругал его отец за то, что мы играли с оружием.

А у Эверры лицо стало совершенно серым. Он стоял неподвижно и выглядел очень худым и старым. Потом снова бросил взгляд в сторону